

Жильцова София, 16 лет

г. Рязань

ОГБУДО «Центр эстетического воспитания детей»,

Областная заочная школа детского литературного творчества

Педагог: Звёздочкина Ирина Ивановна

Пока не меркнет свет...

Лампочки разбились.

Сотни ярко-желтых и оранжевых лампочек падали с деревьев прямо на мощенную камнем дорогу, разбиваясь вдребезги. А в коммунальной квартире номер четыре, в комнатухе под условным номером четыре, в тот же самый день распались на сотни стеклянных кусочков старые, перегоревшие лампочки, которые зачем-то тщательно собирались и хранились много лет.

Хозяин, которого звали совершенно обычно – Иван Палыч, по слепоте и невнимательности споткнулся о старую швабру, стоящую у шкафа... Он побряхтел, проворчал что-то невнятное, остановился, будто бы во сне, но потом встряхнул седой головой и, упаковав гитару в потертый футляр, вышел из комнаты.

Вечерело. Иван Палыч спешил. Он шел по старой улице, мимо домов, которые когда-то были памятниками архитектуры, а стали чьими-то комнатухами или магазинами, мимо театра с желтоватыми колоннами.

Показалась аллея с живыми фонарными столбами, с которых ежесекундно падали живые лампочки, чтобы больше никогда не засветить. Взлёт от порыва ветра был для них последним дыханием жизни. Взлёт и падение. Падение и крах. За свою короткую жизнь они видели сотни людей, неторопливо гуляющих, спешащих, болтающих друг с другом. И эти люди – все они и никто из них – не замечали, что лампочки, которые светят им, – живые. Не думали, что листья горят, умирая.

Иван Палыч шел к знакомой скамейке, где его уже ждал не просто коллега по бизнесу, а самый верный и единственный друг – Вениамин Петрович. Вместе они сидели за школьной партой, вместе ушли в армию и поступили в институт, женились почти одновременно... Веня, как его называл Иван Палыч, рано лишился

жены. Взял своих двоих детей и отправился по стране в поисках счастья, но вскоре вернулся в родной город. А когда сын и дочь выросли и уехали, открыл «бизнес» – Музыкальное дело. Он выходил с гитарой на улицу, садился на скамейку и осторожно перебирал струны своей старой подруги. Денег набиралось как раз на автобусный билет, редко - на такси, но сколько удовольствия!

-Здравствуйте, коллега! – Веня склонил голову перед другом. – Как жизнь?

-Да... лампочки разбил...

-Сдавать собирался? – поинтересовался Веня.

Иван Палыч не ответил. Протер потные морщинистые руки о засаленные серые брюки, взял трясущимися руками гитару и сел. Это привычное движение всякий раз вызывало у Ивана Палыча трепет и волнение. Казалось ему, что он снова играет в оркестре перед сотнями людей, что все взгляды устремлены на него.

Старик играл песню за песней, все, которые мог теперь. Все, которые изо дня в день составляли его немудреный репертуар. А люди все спешили, спешили, не обращая внимания на пожилого мужчину, который пел фальшиво, сипло, голос которого умирал, а струны гитары норовили порваться в любой момент. Но гитара жила. И он жил. А люди спешили, спешили... Для них это был всего лишь фон, звук, сливающийся с воздухом. Никто обычно не останавливался...

Вдруг от потока торопившихся прохожих отделилась девушка, совсем юная, лет шестнадцати, не больше. Она в задумчивости слушала, а Иван Палыч пел и щипал струны гитары дрожащими пальцами. Все когда-нибудь заканчивается, и песня эта тоже закончилась. А девочка улыбнулась, как бы благодаря музыканта, и кивнула старику. Для него это было величайшим признанием.

Уже стемнело. На улице зажигались электрические фонари, освещая своих живых и упавших наземь собратьев. А старик шагал, футляр с гитарой с каждой секундой все сильнее давил на спину, напоминая о возрасте своему хозяину.

Возвращаться не хотелось. Куда спешить? К четырём стенам с бледно-жёлтыми обоями? Сегодня, в прекрасный осенний вечер, Иван Палыч, окруженный плотным воздухом и темным небом, размышлял. Думал о девочке в парке, о Вене, о своей коммунальной квартире, в которой жил последние пять лет, о своей юности.

Обычно он старался не вспоминать, как женился, как родилась дочь, пошла в школу, росла... Как похоронил жену... Даже не помнил, как оказался в коммуналке.

В глаза старику светили электрические звезды, ослепляя его. А он все шел, едва сдерживая наворачивающиеся слезы. Мужчины не плачут, но он плакал. От боли, которая сдавливала грудь и хрупкие ребра, от воспоминаний, которые похоронил. Иван Палыч втайне завидовал Вениамину, к которому приезжали дети, внуки. Они бежали навстречу с радостным криком, обвивали руками шею деда и заливались звонким смехом...

Сейчас, как никогда, Иван Палыч почувствовал свое одиночество, ненужность миру. У него никого не было. Дочь позабыла о родном человеке, об отце. А он не забыл. Верил, что когда-нибудь вернется из парка, а она сидит на его потертом диванчике и ждет... Расскажет все-все, все, что утекло с рекой времени. Он ждал, но она не появлялась. Пять лет... Он ждал...

Прошаркав под брань соседки в свою комнату с бледно-желтыми обоями и потертым диваном, старик лег, мечтая лишь об одном – вернуться туда, где остановилась его жизнь, где были жена и дочь, где было все так хорошо.

На пороге появился улыбающийся сосед, студент-медик, краснощекий и счастливый. В руках он держал свежую газету.

-Я к вам сегодня заходил, а вас не было. Газету принес.

Старик улыбнулся. Он приподнялся на подушке, но Медик остановил его.

-Лежите-лежите, Иван Палыч, вам нехорошо? Дайте-ка я пульс пощупаю.

Медик с заинтересованным видом стал слушать пульс на сухой руке старика, хотя самому Ивану Палычу казалось, что пульса у него нет.

-Нехорошо, нехорошо... Вам нужен отдых, а газету я вам завтра почитаю. И не спорьте! – заметив попытку старика возразить, сказал Медик. – Приду с утра, завтра выходной, и буду вам читать. Весь день буду! – Медик направился к двери, но остановился. – Иван Палыч, я вам новую лампочку вставил, пока вас не было. И стекло от разбитых лампочек собрал. Отдыхайте.

Его рука опустилась на ручку, но задержал голос старика.

-Спасибо тебе, Ираклий. – И впервые за день лицо Ивана Палыча осветилось улыбкой, а Медик улыбнулся ему в ответ и выключил свет.

Старик закрыл глаза. За окном продолжали падать листья-лампочки, ветки деревьев оголялись. В люстре горела новая лампочка, которая будет светить еще долго, но лампочка Ивана Павловича погасла. Жизнь-лампочка. Он уснул, чтобы больше никогда не проснуться в 6:27. А на столе его ждал новый номер газеты, на последней странице которого осталось так и не прочитанное им объявление «Помогите найти человека», маленькое объявление... от его дочери.